Очередной длинный день. Весь в грязи, саже, гнилой плоти, и почерневшей крови, он протёр лоб и сделал медленный, глубокий вдох, лишь после этого позволив себе сесть на ближайший пень. Ширины тот был такой, что вместил бы десять человек, если не больше. Он размял плечи, осматриваясь снова.

Упавшие деревья колоссальных размеров заполняли всё по самый горизонт. Разорванные на части или вырванные с корнями, а где-то просто срубленные как ножом. На одном из последних он сейчас и сидел.

Джаскаданский лес выглядел уже не так и красиво. По крайней мере, эта его часть. Хотя работы оставалось ещё очень много, как на восток, так и на север отсюда.

Гнилым ублюдкам повезло, что Ардора – настолько обширный континент.

Среди рухнувших деревьев лежали и его павшие оппоненты. Потребовалось немало усилий, чтобы они наконец перестали шевелиться. На обычных слуг эти твари точно не были похожи. Хотя они совершенно не регенерировали, зато прочностью каждый мог посоперничать со столетним слугой. Как минимум.

Огонь поначалу справлялся с ними вполне эффективно, но потом они как-то адаптировались к нему. Заморозка не работала вообще. Может, их гнилые мозги не использовались с самого начала. К тому же, они ещё и двигаться могли без мышц, так что битва продолжалась ещё долго после того, как обычный слуга вышел бы из строя.

Он наделся, что узнает хоть что-нибудь в бою с ними, но прошли уже месяцы, а узнать удалось, не считая мелких подробностей, только то, насколько упёртыми были эти твари.

Мендокава, как их называли.

Несмотря на практически отсутствующую регенерацию, они каким-то образом возвращались. Даже без голов их тела не прекращали сражаться – что, наверное, было самой большой разницей между ними и обычной нежитью. Если что-то ими и управляло, то явно не мозги.

Даже сейчас, после всех этих битв, он всё ещё не был уверен, что именно могло их остановить. Полная аннигиляция работала, очевидно, но кроме этого не удалось открыть ни одного надёжного способа.

Они с людьми рубили трупы днём и ночью с начала битвы, но как только те переставали шевелиться, то начинали напоминать совершенно обычные, гниющие тела. Без единого следа рвения или энергии души.

Становилось даже интересно, обладают ли они хоть каким-то подобием сознания. Было похоже на то, учитывая, что Всадники Пустоты пытались не позволить ему достичь определённых

мест, но, может, то было просто иллюзией со стороны существа, которое ими управляло.

Кем или чем бы оно ни было, он собирался удовлетвориться вдоволь, когда они наконец найдут его. Даже после допроса с пристрастием, эта тварь ещё о-очень долго будет мечтать о смерти.

Его внимание привлекли хрустящие шаги слева, и он прищурился на идущего мужчину.

— Вы в порядке, мастер? — спросил тот на валганском.

Ичиро Итоя был мужчиной поздних лет, хотя и не таким стариком, как он сам. Серые волоски в его острых усах отлично подходили пронзительному серебряному взгляду. И тривиальные вопросы он тоже обычно не задавал, видимо, зрелище было подходящим.

— Я в порядке, — ответил он двумя голосами, тоже на валганском. — Несмотря на внешний вид, они меня ещё не коснулись. — Он указал на высохшие внутренности по всему себе. — Просто брызгами задело.

— Конечно, мастер. — Ичиро тоже неплохо обляпал своё обычно безупречно чистое пальто. — Но вы выглядите довольно уставшим. Может быть, они пытаются победить в бою над разумом, а не телом?

— Я сейчас не в настроении для твоей философии, Ито.

— А бываете в настроении, мастер?

Справедливый вопрос, наверное. Он поднялся и потёр шею.

— Какие-нибудь передвижения со стороны дульвани были?

— Да. Они, похоже, эвакуируются.

— Умно. Хотя и жалко. Я бы хотел сразиться и с ними тоже. Со всей их таинственностью у них должно быть припрятано немало козырей.

— Вы хотите, чтобы я отправился в погоню?

Он задумался. С одной стороны, Ичиро – один из его лучших людей и справится безупречно с любой задачей, стоило только дать правильные команды. Но с другой стороны, терять силы в бою против Всадников Пустоты опасно. Стоили ли дульвани того? Возможно. У них могли быть ответы на некоторые из его вопросов. Впрочем, даже если и были, по своей воле они ими не поделятся.

Уж точно не с тем, кого звали свихнувшимся Дозером.

Для таких случаев подходила другая стратегия.

— Нет, — сказал Дозер. — Лучше отправь за ними людей Гермала. У нас тут есть парочка, да?

— Да, мастер. Но я не могу советовать вам доверить им такую задачу. Они часто слабы физически или в субординации. Либо и в том, и в другом.

Неудивительно. Ичиро с Гермалом дружили примерно как вода с маслом, поэтому и любые ученики Лжеца вызывали у него схожие чувства.

Но были причины того, почему Дозер позволял Товариществу продолжать существование, несмотря на все конфликты и передряги, какие оно провоцировало среди их бессчётных сект.

— Не заставляй меня повторять приказ, Ито.

— … Да, мастер.

Видимо, он почувствовал, что переступил черту, потому что поклонился и ушёл, не сказав больше ни слова.

Товарищество. Во многих отношениях они были тем, чего Избавлению часто не хватало. Деликатность. Способность видеть и ценить нюансы. Хотя они порой действительно были слишком мягкими или нерешительными, остальное Избавление покрывало их недостатки с лихвой.

Если кто-то из его людей и мог добиться ответов от дульвани, то только они. А если нет… Ну. Это проблема на будущий день.

Он поднял голову к открытому синему небу. Уже было достаточно поздно, чтобы видеть редкие звёзды, но солнце ещё не скрылось за горизонтом полностью. Этот вид опьянял.

Даже спустя столько лет, он всегда мог поднять голову и ощутить всё то же восхищение. Ему не нравилось позволять своим людям видеть себя таким, но в подобные моменты тихого одиночества, когда с ним был лишь Энгомат, он мог немного расслабиться и насладиться этим древнейшим чувством. Которое ощущал ещё будучи ребёнком.

Сколько придётся прожить, чтобы увидеть исполнение своей мечты? Или хотя бы её приближение, если подумать.

Бессчётные разы он боролся с сомнениями. С невозможностью. Но ещё бесконечность раз продолжал держаться. Пока он жив, как бы остальной мир ни желал обратного.

И жив во многих отношениях.

Ого. Он уже видел Адариус. Необычно для такого раннего часа с этой стороны планеты. О! Это была комета?! Просто абсурдная удача!

Какая именно? Он использовал Энгомата, чтобы помочь разобраться в своих мозгах, пытаясь вспомнить, когда в последний раз изучал эту тему. Всего пара месяцев прошла.

Да. Он помнил, что скоро должна пролететь Комета Ария. Вау. Надо же было забыть такое.

Потрясающе.

Как давно он видел её вот так в последний раз? Явно не больше двухсот лет назад. Всё же, Ария – комета с коротким периодом.

У него даже рот приоткрылся, пока он восхищался ею. Да, теперь он вспомнил, когда в последний раз лицезрел такое прекрасное зрелище.

Как раз перед Разрушением.

Тогда он не мог представить это ничем иным, как посланием богов: благословением удачи, отправленным ему перед неизбежной смертью или славой.

Оглядываясь назад, с лишней парой сотен лет за плечом, Дозер смотрел на своё прошлое с презрением и разочарованием. Тогда он правда считал себя центром вселенной, да? Благословение космоса для него одного. Смешно, смешно.

Хотя Разрушение Каргама определённо оставило свой след в истории и возобновило страх перед ним по всему миру, в его разуме это оставалось не более чем жалкой неудачей. Если бы только он был терпеливее. Методичнее. Под его правлением Каргам превратился бы в куда более прекрасную нацию в эти современные года. А не в выгребную яму, которой стал теперь.

Отчасти ему хотелось вернуть эти старые эмоции. Было что-то освобождающее и вдохновляющее в них. И они всё ещё оставались где-то внутри. Дозер мог почувствовать их в глубине разума, жаждущих, чтобы он осмелился их принять.

Вновь под сияющей Арией, в такое-то время… чем это было, если не знаком? Может, действительно посланием богов? Сейчас он мог стоять на новом поворотном моменте, мир мог ждать от него смелых действий. Небольшая война, устроенная этими идиотами, уж точно была

чарующим фундаментом.

Он, конечно, многих людей отправил участвовать в ней, но в основном потому, что не хотел слушать их истерики и недовольства, неизбежные, если бы он попытался их остановить. Они бы постоянно ныли, либо просто сбежали, чтобы присоединиться.

Но нет. Эти эмоции ошибались. Боги ошибались. Даже если Ария правда посланник их воли, это не имело значения.

Лишь Пустота имеет значение.

Он понимал это и тогда, конечно – или считал, что понимал – но как же легко сойти с пути. Отвлечься. Пойти на поводу других путей к силе.

Иллюзии. Всё это лишь иллюзии.

Наконец, спустя столько продолжительных лет, он чувствовал больше уверенности в своей вере, чем когда-либо. Больше никаких сомнений. Хватит слушать идиотов.

Эта война пройдёт, как и любая другая. Не было причин вмешиваться в неё, ни лично, ни ресурсами.

Если, конечно, Моргунов не падёт так низко, что придёт умолять его о помощи. Но это будет тем ещё зрелищем.

Как бы там ни было, здесь, на другой стороне мира, он и так был занят предостаточно.

Мендокава охраняли это место не без причины. Не случайно его люди столкнулись с ними в Равнинах Геттиры. Не случайно сражались с ними до самого Джаскаданского Леса.

Этот лес был таким же древним, как и они. Некоторые учёные считали, что именно отсюда началось человечество. В этом месте простые обезьяны превратились в куда более смертоносных существ, постепенно покоривших почти всю планету.

Дозер не знал, верит ли в это. Дельта реки Аруны, рассекающей Ардору посередине, считалась более традиционным регионом начала человечества, а он не Моргунов. Он не шёл на поводу новых теорий так легко.

Он, впрочем, должен был признать, что этот лес нормальным не был. Не впервой он посещал его, но каждый раз был по-своему уникален.

Этот лес ощущался более… живым. В какой-то момент он и сам начал верить, что у него есть собственная воля, как заявляли Дульвани. Может, прорубаясь сквозь этого спящего гиганта достаточно долго, им удастся его разбудить.

Он надеялся на это. Если всё будет так, некоторые вопросы наконец-то получат свои ответы. Может, на некоторые из них гигант ответит лично, если, конечно, он обладает хоть каким-то подобием разума.

В любом случае, то, что мендокава отступили сюда, было определённо интересным моментом. Как считалось ранее, они не были связаны с ним. С равнинами Геттиры – да, ещё какое. Там свершилась великая битва, решившая судьбу четырёх величайших древних цивилизаций. Араконик, Великий Апокалипсис, как её теперь называли историки.

О том, как именно зародились Всадники Пустоты, споры пока продолжались, но причиной их появления считался именно этот конфликт. Вместо того, чтобы позволить умереть, хозяин обратил их в рабов своей воли. По крайней мере, то, что от них осталось.

Но если своим убежищем они считали джаскаданский лес, то их хозяин мог находиться тут. Или, возможно… хм-м.

Он вспомнил историю этого леса. Ту, что слышал ещё простым пацаном, с котомкой за плечом и драгоценными тогда котурнами на ногах.

Он вспомнил её, потому что это была история об упавшей звезде.

Одной тихой, безлунной ночью, ослепительный свет разбил небеса и упал в джаскаданском лесу. Мужчина по имени Скапа увидел его издалека. Неспособный устоять перед чарующим сиянием, он отправился в лес, чтобы его найти.

Но пробираясь через лес, он видел, как тот растёт и меняется всюду вокруг него. В то время как раньше он казался небольшим и едва достаточно густым, чтобы считаться лесом, теперь из него разросся яркий лабиринт чудесных оттенков и зрелищ, какие не смог бы описать ни один поэт.

Маленькие существа начали появляться перед ним. Светлячки, а может даже феи. И они начали задавать вопросы, желая узнать, кто он и зачем пришёл.

Поначалу он отвечал на все вопросы тех, чья любознательность могла сравниться лишь с его собственной, и желал знать больше о них. Но со временем вопросов стало так много, что вместо этого он начал пытаться их рассмешить.

В этом уголке леса крона деревьев была так густа, что солнцу часто не удавалось взглянуть на землю. Поэтому в компании огоньков Скапа потерял счёт дням, но начал замечать, что

никогда не уставал и не спал.

Скапа начал подозревать, что эфемерные, гипнотические огоньки леса влияли на него. Он беспокоился, что это место, возможно, не было прекрасным раем, каким пыталось показаться.

Но всё равно наслаждался временем в нём. Светлячки знали множество секретов и они, как ему казалось, заботились о нём.

Они делились с ним своими видениями, картинами из собственных разумов, изображавшими прекрасные места, которые они желали однажды посетить – или вернуться в них. Делились с ним своими мечтами, чувствами из самых сердец, или тем, чего однажды хотели добиться. А важнее всего то, пожалуй, что они поделились с ним своим Водоёмом Покоя, наполнявшим его силой, когда он погружался в него.

Чем дольше Скапа находился в лесу, тем больше восхищения ощущал. Всё больше его жизнь за пределами леса казалась далёким воспоминанием, чем-то настолько маловажным, что даже вспоминать не стоило.

И это пугало. В глубине души росла тревога, упёртость его прошлого не давала забыть себя. В то время как другая часть хотела просто отпустить, просто быть.

Наконец огоньки настолько полюбили его, что изволили поделиться с ним своим самым главным секретом, вещью, которой дорожили больше всего.

Упавшей звездой. Тем самым огнем, что привёл его в этот лес.

Увидев её, блестящую даже ярче всего, что он видел в лесу, Скапа вспомнил свой глубокий интерес, свою жажду познать непознанное. В некотором смысле звезда вобрала в себя всё, что он потерял в этом месте.

Поэтому Скапа украл её и сбежал.

Дальше истории расходились. Некоторые относились к Скапе с симпатией, другие – ровно наоборот. К несчастью, понять, где лежала правда, уже бы не получилось, даже с протяжённой памятью жнецов.

Как считал Дозер, проблема в том, что Скапа просто был слишком знаменит. Его история уже больше состояла из мифов, чем из настоящих событий, потому что на протяжении лет ему удалось стать центром бессчётного множества историй. Хотя Скапа и Лес почти наверняка была старейшей.

Не помогало и то, что многие другие рассказчики добавили Скапу в свои истории, вероятно, пытаясь воспользоваться его популярностью. Или просто придать убедительности своим

выдумкам.

Но в отношении леса многие давно пришли к выводу, что огоньками из истории на самом деле были Дульвани.

А Дульвани, что нисколько не удивляло, это ненавидели. Они заявляли, что не имеют к истории никакого отношения – если в ней вообще есть хоть слово правды.

Дозер, очевидно, был не первым охотником за сокровищами, прибывшим в это место, а Дульвани славились репутацией не слишком большого гостеприимства в отношении тех, кто искал в этом лесу богатств. Вообще, в своём желании отделиться от мира они были известны за жестокость, не слишком подходящую мягким и дружелюбным феям, которыми их пытались выставить истории. Он слышал, что они казнили даже человека, срубившего одно-единственное дерево, чтобы не умереть от холода зимой.

Оглядывая целый горизонт поваленных деревьев он не сомневался, что его теперь нескоро простят.

Ну и ладно.

Он тут не ради их леса, но пока деревья продолжали стоять на пути, он будет их убирать. К тому же, он ведь не выдирал их с корнем и не сжигал, а оставлял пеньки. Ему просто хотелось видеть, что находилось впереди, а не уничтожить лес целиком.

В этом была главная проблема Джаскадана. Рвение, протекающее сквозь него, одурачивало чувства и дезориентировало разумы. Потеряв в лесу трёх хороших парней, он решил, что этого достаточно. Мендокава и так доставляли достаточно проблем.

Хотел бы он ещё так посидеть, понаблюдать за кометой, но нужно было идти разбираться с делами. Пришла пора проверить припасы в лагере. В большинстве случаев он доверял логистику Джэри, но было важно иногда узнавать ситуацию лично. Лучше всего корабль плыл, когда капитан давал о себе знать. А ещё, конечно, была команда исследователей. Он надеялся, что они уже…

Землю встряхнуло, пока он вставал, настолько, что обломки вокруг подскочили – хотя и недостаточно, чтобы столкнуть с ног его.

Он немедленно вспомнил о том, кого ненавидел. Слишком знакомым показалось это чувство.

Она была здесь? Неужели погналась за ним через весь Лютик? Пересекла грёбаный океан? Нет. У неё сейчас были дела поважнее на Элоа.

С другой стороны, он уже давно ждал её появления, потому что во всех докладах с войны её

имя почти не появлялось. Она могла бы доставить предостаточно проблем его людям по ту сторону, поэтому такое затишье говорило о чём-то большом, готовящемся в тени. Он думал, что она, может, попытается захватить его страну во всём этом хаосе, начнёт вторжение и наконец закончит их долбанную ничью, пока он уехал.

Откровенно говоря, он надеялся на это. Такой ход должен был выжать её силы и сделать уязвимой для контратаки – по его возвращению домой.

Но пока он её не чувствовал, что было любопытно. Пожалуй, единственное, что ему нравилось в Горгулье Каргама, так это то, что она не пыталась себя скрывать. Наверное, это было слишком трудно, после того как вся земля начинала дрожать.

Он подпрыгнул. Его высохший плащ затрепетал за спиной, пока пейзаж внизу удалялся, открывая ему горизонт со всех сторон, не считая тех направлений, где гиганты Джаскадана всё ещё касались облаков и мешали видеть.

Приземление тоже было лёгким: когда он коснулся поверхности Элега, то едва потревожил землю. Хотя одним прыжком вернулся в лагерь – что было не слишком трудно, несмотря на то, как далеко они зашли в сегодняшнем бою.

Лагерь выглядел совсем не так, как можно ожидать. В нём не было ни палаток, ни костров. Никаких солдат, сидящих прямо в траве.

Нет, лагеря Живой Пустоты выглядели иначе. Он всегда любил путешествовать в роскоши. Какой смысл быть самым могущественным завоевателем мира, если его лагеря будут лишь жалким подобием того, в чём путешествовали самозваные боги-короли прошлого?

Здесь у них были мобильные, многозадачные здания. Каждое служило небольшой крепостью и могло по первому требованию выпустить наружу людей или технику, вместе с тем предоставляя комфортный дворец для Дозера и избранных им лидеров. Конечно, «безымянным» бойцам тоже доставался вкус уюта. Они могли насладиться роскошными кухнями и трапезными, а также любой из комнат для тренировок.

Очень важно не разбаловать людей, но при этом показать им, чего они однажды могут достичь, если покажут себя достойными.

Помимо прочего были у них и неподвижные здания. И не какие-то примитивные, несмотря на то, что их почти целиком построили материализаторы. Красота некоторых из них вполне могла сравниться с архитектурой древних королевств Ценхиса.

Их древний и престижный вид почти целиком был заслугой Нати. Она всегда очень высоко ценила декорации, каким бы кратковременным ни был лагерь. Когда-то её одержимость раздражала его, но на протяжении десятилетий он полюбил её внимательный взгляд, даже если зачастую всю красоту потом приходилось сносить.

Она первой вышла его встречать, хотя он видел нескольких своих людей, бегущих тут и там, явно по приказу встать на позиции.

— Мастер, — сказала она, приветственно кивнув.

Как и всегда, её совершенно спокойный голос и поведение не выдавали мыслей, а зелёно-коричневая одежда не позволила лечь на себя ни единой пылинке, несмотря на разруху вокруг.

Ещё одна волна дрожи прошлась по земле, предвещая его вопрос:

— Что происходит?

— «Мы не уверены, — ответил её жнец, Акама. В глазах Дозера она была чёрным сгустком размером с собаку, без глаз или ушей, только с овальными хоботками, вооружёнными окровавленными, дымящимися зубами. — Но её источник глубже в лесу, в направлении Кара-Кууна»

Кара-Куун? Если дрожь исходила из столицы Дульвани, то предстояло изменить тактику. Вместо переговоров лучше отправиться ему туда самому.

Интересно.

Хотя действовать поспешно Дозер не любил. Правильнее было бы отправить разведчиков.

Что ж, тогда терпение. Как всегда.

Он слышал это всю свою жизнь, и от жнецов, и от учителей: терпение было его главным преимуществом. Сколько врагов в этой жизни он победил, просто прожив дольше, чем они? Дождавшись, пока они допустят ошибку? Ожидая шанса на смертоносный удар, сколько бы это ни заняло?

Впрочем, он слышал и другое. Что слишком медленно реагирует. Слишком боится ошибиться. Слишком труслив для императора. Моргунову особенно нравилось напевать эту мелодию. У этого человека порой всплывала парадоксальная одержимость концептом трусости. Впрочем, не зря же его называли Безумным Демоном.

В итоге Дозер приказал Нате отправить больше жнецов, после чего вернулся к своей комнате в сердце Обсидианового Панциря, лучшей мобильной крепости в его распоряжении. В её ребристых стенах не спало ядерного вооружения, но даже так она могла уничтожить целый город меньше чем за четыре часа – и без всяких сверхлюдей.

Было время, и не так давно, когда он считал ядерное оружие в своём арсенале хорошей идеей, но довольно быстро пришёл ко мнению, что оно доставляло больше проблем, чем пользы. Просто поддержание в надлежащем состоянии было логистическим кошмаром, но в дополнение к тому оно почти никогда не требовалось – а даже если и приходил подходящий момент, то привлекало неприемлемое внимание от Авангарда.

Серман почти никогда не показывался лично, но использование ядерного оружия практически вынудило его вмешаться. Что ж, может, в этом и лежала польза такого оружия. С ним можно было манипулировать Титаном.

Впрочем, это время тоже прошло. В итоге Серман стал мудрее, а его люди почувствовали своим предназначением заставить Дозера пожалеть о каждом разе, когда он решал использовать ядерные боеголовки. А заодно уничтожили почти все его запасы. Так что теперь каждая из них была чуть ли не драгоценностью для него, и их использование определённо не стоило своего риска в продолжительных операциях вроде этой.

Было бы очень удобно, найди он источник материала для ядерных боеголовок, натуральный или любой другой. Все те, что он использовал в прошлые полстолетия, иссякли или умерли.

В основном из-за подосланных убийц.

Несмотря на все их моральные постулаты, Серман и остальной Авангард без всяких озарений совести убивали его материализаторов, какими бы невинными они ни были. Он ещё помнил времена, когда «добряки», по крайней мере, пытались выкрасть и скрыть источники от него. Видимо, постоянные неудачи слишком деморализовали.

Дозер часто думал, было ли это делом рук Ледяного Сердца, как многие заявляли, или его просто использовали, чтобы защитить благородный лик Сермана от порицания?

В чём бы ни была причина, тайный дивизион убийц Авангарда доставлял настоящие проблемы. Они, естественно, и на Дозера нападали не раз, притом всегда выбирая те моменты, когда он наиболее уязвим.

Например, в комфорте собственного дворца. Вроде того, как сейчас, пока он стоял в душе и смывал с себя дрянь, налипшую за продолжительный день.

Временами попытки исходили от людей со впечатляющим умением скрываться. Временами – от предателей, служивших ему годами.

Хотя с последней попытки прошло много лет. Он нередко думал о том, какая попытка будет следующей.

Дозер поднял голову к головке душа, позволив ошпаривающей воде помассировать его лицо на

пару минут дольше, чем обычно. Если нападающий ждал шанса для атаки, то вот он, шанс. Не первый раз враги думали, что в душе он достаточно уязвим.

Но спустя какое-то время Дозер выключил воду и осмотрелся в комнате с чёрно-золотой плиткой, практически разочарованный. Учитывая, насколько горячей он предпочитал воду, в душевой ещё и пара стало столько, что почти ничего не было видно.

Ну ладно.

Он взял полотенце и начал вытираться, зная, что сегодня что-то не так.

Это не было каким-то сверхъестественным ощущением. По крайней мере, ему так не казалось. Скорее, просто сотни лет опыта. Не то, что можно выразить словами.

Воздух? Нет. Тишина? Нет, и не это тоже.

Было время, когда он считал это чувство обычной паранойей. Впрочем, тогда оно могло ею быть. Чёрт, может и сейчас, отчасти, оставалось ею. Но теперь он знал разницу.

Между предчувствием.

И отточенным инстинктом.

Чувства Энгомата не говорили ему ничего. Ну естественно. Даже до изобретения невидимости отклонений существовали способы, при помощи которых убийцы избегали обнаружения. Хотя лучше не стало, конечно. Дозер с удовольствием обошёлся бы без этого маленького технологического открытия Моргунова.

Чёрт, несмотря на все их прорывы, его не отпускало ощущение, что почти все технологии приносили только дополнительные трудности. Да и какой смысл в новых технологиях, если те в итоге всё равно попадут в руки Авангарда? Он часто размышлял над этим вопросом. Если бы не собственные исследователи врага, Дозер закончил бы с этими трудностями ещё давно.

Может, убил бы их всех сам. Временами ему казалось, что Энгомат был прав насчёт развития, что их миссии будет только лучше без дополнительной «помощи».

Если бы не его мечта, Дозер давно поддался бы жнецу.

Он вернулся в спальню и начал переодеваться. Несмотря на возраст, тело у него было развито хорошо. По сути, именно из-за этого он и хотел, чтобы Энгомат настолько его состарил.

В юности его не волновали мышцы, но достигнув возраста, в котором обычные слуги переставали стареть, он развил любовь к ним. Увы, к несчастью, мускулатуру не сделать, пока старение отключено жнецом.

Так что, несмотря на возраст, никогда он не чувствовал себя здоровее или сильнее. Но люди почему-то всё равно называли его Стариком, будто он прошёл свой лучший возраст.

Может, они бы перестали так говорить, если бы он почаще ходил с голым торсом.

Та. Что за глупость. Какой смысл?

Кто бы ни собирался его атаковать, он был благодарен тому, что ему хотя бы позволили одеться. Слишком много раз тело Дозера в бою прикрывало лишь полотенце – а то и вообще ничего.

Может, у этих убийц было какое-то чувство чести. Для разнообразия. Хотя вряд ли.

Он надел серые трусы и чёрные брюки Доминго. По бокам последних шла тонкая полоса серебряного, что было небольшим перебором для боевого костюма, но ему нравилось. Доминго – настоящий мастер своего дела, знающий, как совмещать удобство с достойным внешним видом.

Эх, если бы только ему удалось убедить Доминго сделать для него военную форму. Каким же колоссальным разочарованием была та встреча.

Ну что ж.

Даже если этот мужик ненавидел его всей душой, Дозер не собирался переставать носить его одежду. Напротив, теперь он покупал её ещё и из ответной ненависти.

Следующей пошла белая рубашка. Он закатал рукава и взял шёлковый чёрный галстук. Жилет надевать не стал. Джаскаданский лес был для него слишком жарким.

Дальше должны были идти носки и туфли, но у него не было настроения для них. Что странно, сейчас ему больше импонировала идея сандалий. Они тоже не могли считаться частью боевого наряда, но, говоря откровенно, ничто им считаться не могло. В любом случае, к концу сражения он будет босым.

Так что всё было готово. Он полностью оделся.

Но так и не дождался атаки…

Дозер взглянул на себя в зеркало. Не ради чего-то определённого, просто размышлял. Ожидал.

Любопытно. Убийца сомневался? Или, может, надеялся сначала найти какой-нибудь путь к отступлению?

Или же ему просто казалось? Неужели он наконец-то проиграл паранойе, как заявляли многие?

Было бы забавно, будь это так. Сумасшедшим жить проще.

Что ж.

Пока он не понимал, где находится враг. Близко или далеко. Внутри комнаты вместе с ним или нет. Только знал, что угроза неизбежна. Вот-вот должны были столкнуться души.

Но если он пока не мог решиться ничего сделать, то можно заставить. Ничто не мешало ему пойти наружу и начать отдавать приказы своим людям. Убийца этого явно не захочет.

Дозер пошёл к двери.

И тогда почувствовал это. Присутствие. Вот теперь в одной комнате с ним. Или оно всегда было здесь? Дозер так не думал, но не был уверен. Его глаза всё ещё никого не видели, но он примерно представлял, где находятся враги. По другую сторону комнаты, прямо за ним.

Он остановился и ждал, всё ещё не решив, как с этим разбираться.

Эти убийцы явно были не обычного пошиба. Они ждали его. И даже сейчас, несмотря на все причины атаковать, не делали этого. Возможно, хотели сначала поговорить. Если так, то Дозер собирался выслушать.

В последнее время ему редко доводилось поговорить с врагом. В Авангарде почти не осталось людей, которым хватало и смелости, чтобы подкрасться к нему, и желания с ним заговорить. Обычно у них было либо одно, либо другое.

Однако затем он почувствовал то, чего не ожидал. Полное присутствие убийцы. Да. Убийцы. Одного. Не группы, как всегда. Всего лишь одного.

И очень знакомого.

Он повернулся, увидев профиль настолько громадный и уникальный, что не требовалось ничто другое, чтобы узнать это существо.

Его правую руку. Чёрное Бедствие. Монстра Востока.

Говис стоял за ним.

.

Редактор: akkunin

http://tl.rulate.ru/book/1701/3124877